

Н.Б.КРЫЛАСОВА

ДРЕВНЕРУССКИЕ ИЗДЕЛИЯ В МАТЕРИАЛАХ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ*

На рубеже I–II тысячелетий нашей эры территория Пермского Приуралья находилась под экономическим и политическим влиянием Волжской Болгарии. Русь, не желая затрагивать сферу интересов своего сильного соседа, направляла свои усилия на установление контактов с более северными землями. В этот период древнерусские вещи проникали в Пермское Предуралье случайно, вероятнее всего через посредничество булгар или Югры, с которыми у местных жителей было налажено тесное торгово-экономическое сотрудничество. Древнерусские изделия X–XI вв. представлены в Пермском Предуралье единичными находками, поэтому тем более значительный интерес представляют две находки из погребений Рождественского могильника, расположенного в Карагайском районе Пермской области, и входящего в состав Рождественского археологического комплекса на р.Обва (“Касаба-Афкуль”) (рис.1-а,б).

Первый предмет — серебряная подвеска со знаком Рюриковичей (рис.2-1), обнаруженная в 1991 г. в погребении № 37 (рис.1-в), — опубликован в журнале “Российская археология” (Крылосова Н.Б., 1995, С.192–197). Данную подвеску можно отнести к числу уникальных. Всего таких предметов известно чуть более двух десятков. Все они происходят с территории Древней Руси. Тем более интересен факт находки подобного изделия в Родановском погребении на территории, с которой у Руси не было прямых контактов.

Подвеска со знаком Рюриковичей, представляет собой литую пластину трапециевидной формы с подвижным колечком для ношения. На лицевой стороне подвески нанесено изображение трезубца; его боковые зубцы выполнены в виде клинков мечей с долом, а центральным зубец — в виде пики с треугольными выступами в основании. По общепринятой классификации княжеских знаков, описываемый трезубец принадлежит Владимиру Святославовичу (период правления 978–1015 гг.) (Янин В.Л.; 1982, рис.9). На оборотной стороне подвески нанесено изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. Меч изображен рукоятью к основанию трапеции. По оформлению рукояти он близок к реальным прототипам X в. (тип.9 по определению Кирипчикова А.Н.). Лезвие меча плавно переходит в изображение молота бога Тора, который занимает всю верхнюю часть оборотной стороны пластины. Зна-

* Статья печатается в авторском варианте оформления.

ки в виде мечей, имеющие военно-дружинный характер (Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Д.С., 1978, С.51) и молоты бога Тора, считающиеся скандинавским этническим индикатором (Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Д.С., 1978, С.75), встречается довольно часто. Но изображение, в котором сочетается меч и молот является пока единственным из известных.

Из всех существующих точек зрения на назначение подвесок со знаком Рюриковичей наиболее аргументированное, на наш взгляд, принадлежит Молчанову, который видит в подобных подвесках вертикальные знаки лиц, уполномоченных для выполнения официальной миссии того или иного рода. По его мнению, именно такие подвески имеет в виду русско-византийский договор 994 г. об отмене существовавшего прежде порядка снабжения дипломатических и торговых представителей киевского князя, присылаемых в Константинополь особыми ранговыми атрибутами – отличительными золотыми и серебряными “печатами для ношения” (Молчанов А.А., 1986, С.185). В летописном тексте договора 944 г. сказано: “... Великий князь Руссии и бояре его да посылают в Греки к великим царям гречьским корабли, елико хотять, со слы и с гостыми, якже им установлено есть. но шаху если печати злати, а гости сребряни...” (ПВЛ. 1950. Т.1. С.35). В этом плане особый интерес представляет сообщение В.Н. Татищева о торговом договоре болгар с Владимиром Святославовичем 1606 г.: “... прислали болгаре послов с дары многими, дабы Владимир в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что Владимир им охотно соизволил. И дал им во все грады печати, дабы они везде и всем вольно торговали, а русские купцы с печатами от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения” (Татищев В.Н., 1962, С.88-89). на наш взгляд, из этого текста следует, что купцам из Волжской Болгарии были даны печати со знаком Великого князя киевского, а русским купцам – болгарские печати. Молчанов А.А. упоминает о сходном обычае предъявления уполномоченными лицами велительных знаков, распространенном в скандинавской среде (Молчанов А.А. 1986. С.185). Скандинавский знак, помещен на оборотной стороне подвески из Рождественского могильника вероятно имел в скандинавских землях значение, аналогичное знаку Рюриковичей на Руси.

Таким образом, подвеска с Рождественского могильника может быть истолкована как верительный знак, дававший право купцу на торговлю как на территории древнерусского государства, так и в скандинавских странах.

В указанной выше публикации из “Российской археологии помимо самого знака описывается и комплекс вещей, который его сопровождали. В первую очередь, это было сделано с целью наиболее точно датировать погребение и доказать, что данная подвеска попала в нее

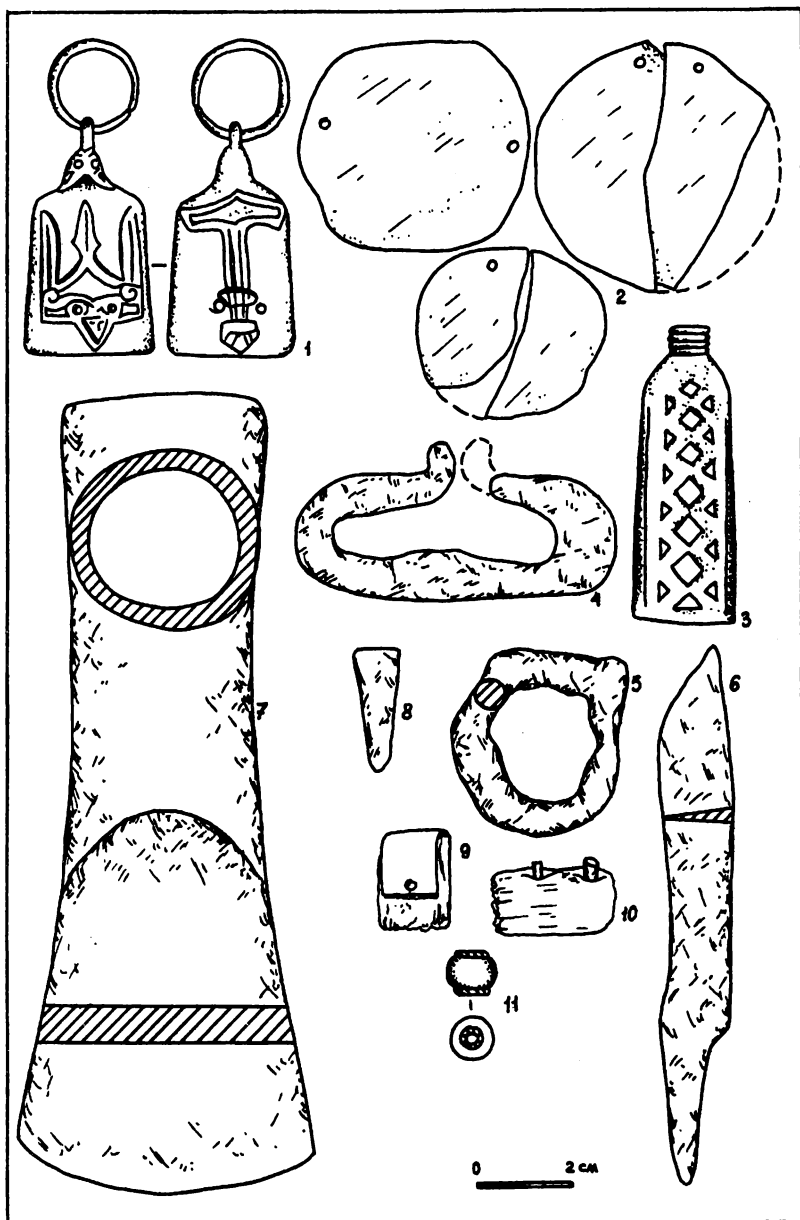

Рис. 2

именно в годы правления Владимира Святославовича, а не была погребена в более позднее время, когда он уже потерял свое основное значение и могла бы использоваться лишь как простое украшение. В тоге наиболее вероятной была определена дата рубежа X-XI вв. – то есть время, совпадающее с периодом правления Владимира (подробное обоснование датировки см. в указанной публикации). Во-вторых, комплекс инвентаря погребения позволяет определить его культурную принадлежность. В погребении помимо подвески со знаком Рюриковичей обнаружено три крупные серебряные пластины с отверстиями для пришивания к одежде, железное кольцо, калачевидное кресало со слабо выраженным язычком, втульчатый топор-пешня с расширяющимся лезвием, нож без уступа при переходе лезвия в черешок, небольшой железный клин, бронзовая бусина с воротничками у отверстий, ажурная бронзовая флаконовидная пронизка, кусочек дерева с серебряной обкладкой (фрагмент деревянного сосуда), фрагмент дерева с медным гвоздиком. По составу инвентаря погребение определяется как мужское. В целом комплекс вещей из погребения 37 Рождественского могильника является типичным (хотя и достаточно богатым) для родановских памятников Пермского Предуралья указанного времени. Мы согласны, что некоторые предметы, например калачевидные кресала, ножи, железные кольца, были распространены очень широко и встречаются в том числе и на территории Древней Руси. Однако такой предмет, как флаконовидная подвеска, наиболее характерен для местных средневековых культур (ломоватовской и родановской). В принципе, подобный комплекс вещей мог содержаться и в погребении представителя Волжской Болгарии, поскольку тесные контакты болгар с пермским Предуральем наложили заметный отпечаток на материальную культуру местного населения. Однако, как известно, в это время болгары же преимущественно были мусульманами, и их погребальный обряд не допускал наличия сопровождающего инвентаря в могильных ямах. К слову сказать, рядом с языческим Рождественским могильником располагается мусульманский некрополь (рис. 1 — б), где хоронили приезжих купцов и ремесленников, живших на Рождественском городе. Поэтому вряд ли можно утверждать, что здесь похоронен болгарский купец.

Известный пермский археолог А.М.Белавин именно в Пермском Предуралье локализует страну Вису, известную по арабским источникам. В источниках неоднократно упоминается, что жители Вису, страну, известной позже как Чулыман, играли роль посредников в торговых операциях болгар: "... купцы наших стран не забираются дальше города Болгара, купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера (Хенинг Р., 1961, с.258). На упомянутом Рождественском городище в X-

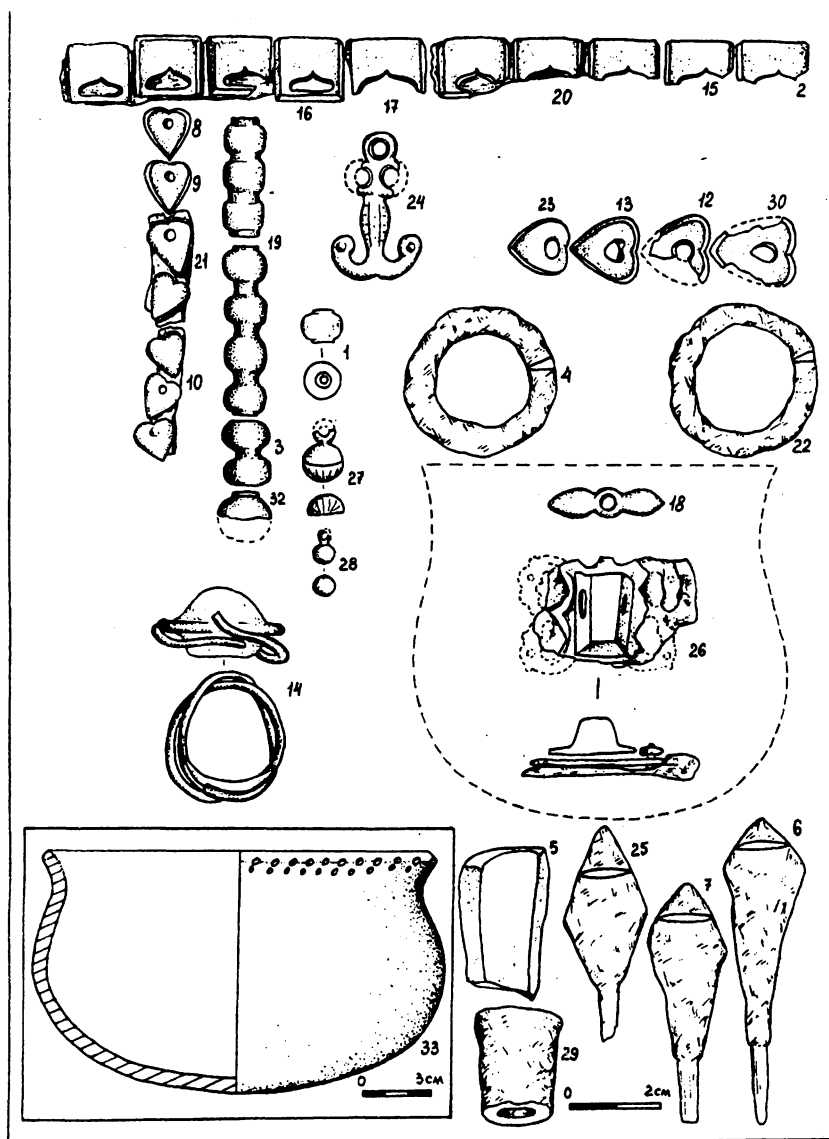

Рис. 3

XIII вв. существовала болгарская торгово-ремесленная фактория, это был один из крупнейших опорных пунктов болгарской торговли в пределах страны Вису-Чулымае (Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 1995, с.13–14).

Мы решили вернуться к описанию комплекса из погребения 37 не случайно, так как прежняя публикация вызвала совершенно неожиданный резонанс в археологической литературе. К сожалению, многие авторы в угоду свои научным интересам передергивают имеющиеся факты и делают на основании находки в Прикамье подвески со знаком Рюриковичей совершенно невероятные выводы. Так, например, Е.Мельникова считает, что “можно предполагать с большой долей уверенности, что данное погребение принадлежит княжескому дружиннику скандинавского происхождения”(?!). Далее она пишет следующую фразу: “Его пребывание в этом регионе, когда колонизация северо-востока еще не началась, вряд ли объяснимо, если не учесть более ранние связи с верховьями Вятки и Камы”(?!). Далее она пишет следующую фразу: “Его пребывание в этом регионе, когда колонизация северо-востока еще не началась, вряд ли объяснимо, если не учесть более ранние связи с верховьями Вятки и Камы (Мельникова Е., 1999, с.85). Но автор совершенно не учитывает тот факт, что о более ранних связях Руси с Верхним Прикамьем нет археологических свидетельств. Более или менее активные торговые контакты местного населения с Русью начинают налаживаться не ранее XII в., да и то при посредничестве болгар (Булавин А.М., Оборин В.А., 1986). Еще более необоснованное предположение высказывают В.Я. Петрухин и Д.С.Раевский. Они пишут следующее: “Прямых подтверждений о подчинении поволжских и пермских финнов Руси (исключая мери) равно как и даннических отношениях практически нет. Исключение составляет находка подвески с древнерусским княжеским знаком из Рождественского могильника в Пермской области, которая могла принадлежать представителю местной верхушки коми-пермяков, связанной торговыми и данническими отношениями с Русью (Петрухин В.Я, Раевский Д.С., 1998, с.124 — рядка наша Н.К.). На мой взгляд, нельзя выстраивать подобные заключения, основанные всего на одном предмете.

Второй предмет - серебряный “усатый” перстень (рис.3 — 14), имеющий широкие аналогии в материалах северных территорий Руси и расположенных по соседству финских землях. Подобные перстни датируются сравнительно узким промежутком времени - X-XI вв. (Кочуркина С.И., 1989, рис.84-8, с 268). На территории Пермского Предуралья была известна всего одна находка подобного перстня из д.Старица, опубликованная А.А.Спицыным (Спицын А.А., 1902, т.XV-2). На Рождественском могильнике “усатый” перстень был обнаружен в 1997 г. в погребении 118 (рис.1-г).

Комплекс инвентаря данного погребения в целом является характерным для Рождественского могильника. Здесь обнаружен поясной набор - фрагменты кожаного ремня шириной 1,5 см с гладкими квадратными и сердцевидными накладками с прорезью; пояс дополнялся привеской в виде кожаного ремешка шириной 0,7 см, украшенного мелкими неорнаментированными сердцевидными накладками, привеской в виде низки из бронзовых пронизок с гладкими вздутиями, якорьковой подвеской. Поясные наборы с гладкими квадратными и сердцевидными накладками были широко распространены в X–XI вв. Истоки подобных поясных наборов следует искать у тюрков, однако в указанный период из основным поставщиком вероятнее всего являлась Волжская Булгария. Поясные привески из пронизок являются одним из характерных для Прикамья предметов украшения пояса. В Верхнем Прикамье они встречаются как в женских, так и в мужских погребениях. Якорьковые подвески — также частая находка для памятников Верхнего Прикамья X–XI вв. Они использовались для крепления к поясу различных предметов.

К поясным принадлежностям относится также фрагмент бронзовой застежки от сумочки. Эта застежка представляла собой прямоугольную коробочку-замочек на ажурной основе в виде двух пар конских головок, расположенных по обеим сторонам коробочки. Аналогичные предметы известны по материалам Рождественского и Огурдинского могильников. Застежка из погребения 118 интересна тем, что под ней сохранился фрагмент кожи от сумочки и железная пластина, придающая жесткость креплению. Вероятно украшением сумочки являлась также бронзовая накладка в виде банта. В погребении также обнаружено два железных кольца треугольного сечения, которые, если судить по аналогиям из других погребений Рождественского могильника, служили для крепления сумочки к поясу, хотя, возможно, на них подвешивался колчан.

Из иных деталей костюма в погребении обнаружены половинка полый шаровидной привески и гирьковидная привеска, которые могли использоваться в качестве пуговиц. Встречена также одна бусина из желтой стеклянной пасты. Кроме этого в погребении найдено три железных ромбовидных наконечника стрел, железная втулка, каменный оселок. У северного угла погребения, за пределами могильной ямы обнаружен круглодонный керамический сосуд, украшенный по венчику отпечатками гребенчатого штампа.

В погребении 118 обнаружена также серебряная монета (рис.4.), которая по определению пермского нумизмата Р.Ф.Вильданова, является ранним болгарским подражанием саманидским дирхемам. Монета отчеканена на довольно толстом (в отличие от арабских дирхемов) кружке из качественного серебра, что по мнению Р.Ф.Вильданова ха-

рактерно для наиболее ранних монет болгарской чеканки. Надпись на монете нечитаемая. Как считают Р.М.Валеев и С.А.Янина, время начала чеканки монет булгарами относится к началу X в. (до 908 г.) (С.А.Янина, 1962, с.179—205; Р.М.Валеев, 1995, с.97—98). На монете имеется два круглых отверстия для пришивания к одежде. Учитывая время обращения монеты и ее возможные использования в качестве украшения, погребение можно датировать примерно с серединой - второй половиной X в., что совпадает с датировкой других предметов из комплекса погребального инвентаря погребения 118.

По составу инвентаря погребение можно считать мужским. Единственной вещью, не характерной для мужских комплексов, является стеклянная бусина, хотя для Рождественского могильника присутствие стеклянных или каменных бус в мужских комплексах довольно частое явление. Возможно, что у местного населения существовал обычай, при котором жены приносили в дар умершим мужьям бусы.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что наличие единичных находок древнерусских изделий X—XI вв. на территории Пермского Предуралья еще не является свидетельством существования прямых связей местного населения с Русью. Вероятнее всего, русские изделия поступали в Пермское Предуралье в едином потоке с болгарским импортом.

Литература

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) // Уржумка, Челябинск, 1995. № 1. С.5-15.

Белавин А.М., Оборин В.А. Посредническая роль Волжской Болгарии в торговых связях Верхнего Прикамья и Древней Руси // Волжская Болгария и Древняя Русь. Казань, 1986.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.

Валеев Р.М. Волжская Болгария: торговля и денежно-весовые системы XI — нач. XIII вв. Казань, 1995.

Кочкуркина С.И. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Крыласов Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // Российская археология. М., 1995 г. С. 192—197.

Кириличников А.Н. Древнерусское оружие. САИ., вып. Е1—36, М.—Л., 1966 г.

Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции Теплоухова. МАР, 26, СПб, 1902 г.

Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде. // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С.151. Рис. 9.

Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. — МИА, № 111, 1962, С.179—204.